

Г Л А В Ы

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ

(толкованія св. Кирилла на евангеліе Іоанна).

I. О томъ, что Сынъ ни въ чемъ не менше Бога и Отца, потому что Онъ существуетъ изъ Него по природѣ, хотя бы нѣкоторые и говорили, что Онъ подчиняется Ему,—предлежитъ (для толкованія) изреченіе: „потому что шель Я съ неба, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Меня Отца“ (VI, 38),—въ той же главѣ (содержится) и благополезнѣйшее разсужденіе о честномъ Крестѣ Христовомъ.

II. Что животворно святое тѣло Христа,—предлежитъ изреченіе: „Я есмь хлѣбъ жизни“ и далье слѣдующія слова, въ коихъ говорятъ о собственномъ тѣлѣ, какъ о хлѣбѣ (VI, 59—56).

III. Что не жизни (полученной) отъ другаго причастенъ Сынъ, но напротивъ—рожденный отъ Бога и Отца, какъ отъ жизни (сущей таковою) по природѣ, есть жизнь по природѣ,—предлежитъ изреченіе: „(соотвѣтственно тому) какъ послалъ Меня Живый Отецъ, и Я живу ради Отца, (такъ) и идущій Меня—и тотъ живъ будетъ ради Меня“ (VI, 57).

IV. Что прообразомъ Христа были скнія, носившаяся по пустынкъ впереди народа, и ковчегъ (бывшій) въ ней, и свѣтильникъ, и жертвенники кажденія и всесожженія знаменовали симаго Христа,—предлежитъ изреченіе: „куда итѣмъ (можемъ) уйти?—Глаголы жизни вѣчной итѣмъ“ (VI, 68).

V. О праздникѣ крщепоставленія,—о томъ, что онъ означаетъ совершеніе надежды, подобающей свѣтлмъ, и оживленіе изъ мертвыхъ,—предлежитъ изреченіе: „былъ же въблизи (приближался) праздникъ Іудеевъ крщепоставленія“ (VII, 2).

VI. Разсужденіе о покоѣ субботнемъ, многообразно раскрывающее, чего знаменіемъ онъ служитъ,—предлежитъ изреченіе: „если обрѣзаніе принимаетъ человекъ въ субботу—на Меня ли гнѣвается, что всего человека здоровымъ сотворилъ Я въ субботу?“ (VII, 23).

VII Разсужденіе о (бывающемъ) въ восьмой день обрѣзаніи, многообразно раскрывающее, чего знаменіемъ служитъ оно, — предлежитъ изреченіе: „если обрѣзаніе принимаетъ человекъ въ субботу“ (VII, 23), и дальнѣйшія слова.

Святаго Отца нашего

КИРИЛЛА

АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО

ТОЛКОВАНІЕ

на евангеліе по Іоанну.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Г Л А В А І.

О томъ, что Сынъ ни въ чемъ не менше Бога и Отца, потому что Онъ существуетъ изъ Него по природѣ, хотя бы нѣкоторые и говорили, что Онъ подчиняется Ему.

VI. 38—39. Яко скидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя (Отца): се же есть воля Пославшаго Мя, да все, еже даде Ми, не погублю отъ него, но воскрешу е въ послѣдній день ¹⁾.

Рѣчь эта на первый взглядъ можетъ кому либо показаться трудною и не вполне свободною отъ соблазна по отношенію къ вѣрѣ, такъ что уже поэтому

¹⁾ *Не да* Ал. Отца 38 ст. оп. автор. греч. и древнесл. и Ал. (Кир. въ толк.?). *Отца* въ 39 ст. приб. слав. согл. поздн. *Отецъ послѣ даде ми приб.* арм. лат. одинъ и Остр. и Ал. (Кир. въ толк.?). Кир. въ толк.? приб. *идеи* предъ *εξ αυτου* какъ D Сир. кур. сян. и Ефр. 234? иък. лат. Терт. ср. русс.

мы ожидаемъ встрѣтиться съ хитроумными возраженіями нашихъ противниковъ. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь совсѣмъ ничего нѣтъ непреодолимаго, ибо „все очевидно для разумѣвающихъ и все прямо для обрѣтающихъ знаніе“ (Притч. 8, 9), тоестъ для тѣхъ, кои благочестиво стараются изъяснять и понимать тайны въ божественныхъ писаніяхъ.

Итакъ, въ этихъ словахъ Христосъ даетъ намъ какъ бы доказательство нѣкое и удостовѣреніе ясное въ томъ, что приходящій къ Нему не будетъ изверженъ вонъ, ибо ради этой-то, говорить, причины Я и сходилъ съ неба, тоестъ сталъ человѣкомъ по благоволенію Бога и Отца и даже не откажусь и отъ совершенія невольныхъ, въ нѣкоемъ особомъ смыслѣ, дѣлѣ, доколѣ не достигну для вѣрующихъ въ Меня вѣчной жизни и оживленія изъ мертвыхъ, упразднивъ державу смерти.

Что же (спрашивается) поэтому было невольнымъ и вольнымъ для Христа?—Безчестіе отъ Іудеевъ, поношенія, обиды, побои, бичеваніе, оплеваніе и кромѣ того еще оклеветанія, а въ концѣ всего смерть плоти. Это ради насъ Христосъ претерпѣлъ добровольно. А какъ дерзкія насилія Іудеевъ надъ Нимъ были совершенно неотвратимы, то Онъ воспріемлетъ на Себя страданія, но дѣлаетъ вольнымъ невольное (желательнымъ нежелательное), ради (той) пользы (какая была отъ) страданія, при благоволеніи къ Нему Бога и Отца и соизволеніи на добровольное перенесеніе всего за спасеніе всѣхъ. Въ этомъ то преимущественно и должны мы усматривать безмѣрную благодать

Вм. *авго* автор. и Слав. *е* Юр. Ник. серб. Зогр. (я) Конст. чит. *авго* поздн. майюск. и Остр. Мст. Мар. Гал. Ал. и Примѣч. совпад. Добр. и Сим. съ Сир. сн. въ оп: *се же... отца*. Вм. *творю* *полю* Ал. *створю* *полю*, *со* и вм. *яко* пер. *зане*. какъ и Павд.

Божественной Природы, какъ не отрекающейся ради насъ взять на Себя даже и то, что должна была отвергать.

Отсюда ¹⁾ можешь уразумѣть, что крестныя страданія хотя были въ нѣкоторомъ отношеніи невольны (не желательны) для Спасителя Христа, но вольны (желательны) ради насъ и (по причинѣ) благоволенія (на нихъ) Бога и Отца. Такъ, когда Онъ долженъ былъ восходить на крестъ, Онъ сдѣлалъ, очевидно въ видѣ молитвы, такое обращеніе къ Отцу: „Отче, если возможно, да преидеть отъ Меня чаша сія, впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты!“ (Матѳ. 26, 39). Такъ какъ „богомъ было Слово“ безсмертнымъ и нетлѣннымъ и самую жизнь по природѣ, то для всѣхъ, полагаю, совершенно очевидно, что Оно не могло страшиться смерти. Однакожъ, какъ явившійся во плоти, позволяетъ претерпѣвать свойственное плоти и страшиться уже скоро предстоявшей смерти, дабы явиться истиннымъ человѣкомъ. Посему говорить: „если возможно, да преидеть отъ Меня чаша сія“. Если можно, говорить, Отче, не подвергаясь смерти, подпадшимъ ей возвратитъ жизнь, если ²⁾ смерть умретъ безъ Моей смерти, конечно по плоти, то да преидетъ мимо, говорить, чаша. Впрочемъ, если это не можетъ совершиться иначе, то не какъ Я хочу, но какъ Ты. Видишь, какъ опять человѣческая природа, поскольку это относится (только) къ ней, даже и въ Самомъ Христѣ оказывается изнемогающею. Но посредствомъ соединеннаго съ нею Слова она возвышается до божественнаго дерзновенія и переходитъ

¹⁾ Это отдѣленіе поцитовано въ Актахъ третьяго Константинопольскаго собора 680 года.

²⁾ Отсюда и до словъ: *въ мужественное настроеніе* поцитовано также на Латеранскомъ соборѣ 649 года.

въ мужественное настроеніе, такъ что не допускаетъ угоднаго своимъ собственнымъ желаніямъ, но напротивъ слѣдуетъ божественной цѣли и спѣшно устремляется ко всему тому, къ чему бы ни призывалъ насъ законъ Творца. А что мы говоримъ здѣсь истину, можешь узнать и изъ самого прибавленія (Имъ словъ): „ибо духъ, говоритъ, бодръ, а плоть немощна“ (Матѣ. 26, 41). Не невѣдалъ Христось, что подвергаться смерти и чувствовать страхъ предъ нею всего менѣе свойственно божественному достоинству, почему къ сказанному тотчасъ же присоединилъ и причину, сказавъ, что плоти по самой ея природѣ подобаешь и свойственно быть немощною, между тѣмъ какъ духъ оказывается бодрымъ и не могущимъ подвергаться никакому поврежденію. Отсюда можешь видѣть, какъ смерть была невольною для Христа по причинѣ плоти и безславія страданія, но въ то же время и вольною, доколѣ не была приведена къ благополучному для всего міра концу воля Отца, тоестъ спасеніе и жизнь всѣхъ.

Не на то же ли, безъ всякаго сомнѣнія, самое указываетъ Онъ намъ и въ словахъ, что *это* есть воля Отца, да не погубитъ ничего изъ приведеннаго (къ Нему), но воскреситъ это въ послѣдній день? Ибо, какъ мы уже ранѣе сказали, человѣколюбивый Богъ и Отецъ приводитъ ко Христу, какъ Жизни и Спасителю, (всякаго) нуждающагося въ жизни и спасеніи.

Но чувствую опять, что говорю несогласное (съ мнѣніемъ) врага истины, ибо онъ отнюдь не согласится съ только что сказаннымъ нами, а будетъ громко кричать и приступать къ намъ съ такими возгласами:

Куда это, любезнѣйшій, ты опять увлекаешь насъ, придумываешь хитросплетенныя отступленія мыслей и

отвлекаешь рассужденіе отъ истины? Вѣроятно, говорить, ты стыдишься признать невольное подчиненіе Сына, ибо развѣ и чрезъ это не будетъ для насъ очевиднымъ, что Онъ отнюдь не начальствуетъ и не править домостроеніемъ въ дѣлахъ, а напротивъ — подчиняется желаніямъ Отца? Такимъ образомъ Онъ сознавалъ Себя ниже равенства съ Нимъ, такъ что и вынуждается нѣкоторымъ образомъ и невольное (нежелательное) дѣлать вольнымъ (желательнымъ) и совершать совсѣмъ не то, что было угодно Ему, но — Отцу. И не говори мнѣ опять, говорить (противникъ), относя сказанное къ вочеловѣченію: „какъ человѣкъ подчиняется“. Вотъ вѣдь, какъ видишь, будучи еще Богомъ и Словомъ чистымъ и не соединеннымъ съ плотью, Онъ *сошелъ съ неба* и, прежде чѣмъ всецѣло облекся въ образъ раба, подчинялся Отцу, очевидно какъ преимуществующему и начальствующему.

Сильными, какъ безъ сомнѣнія думаешь ты, любезнѣйшей, и убѣдительными словами (наподобіе удобоподвижной конницы) устремляешься на насъ, впрочемъ не прямо идущими, но уклонившимися отъ царскаго и торнаго пути,—и, оставивъ, какъ говорятъ у Эллиновъ, проѣзжую дорогу, устремляешься къ стремнинамъ и скаламъ. Въ самомъ дѣлѣ, вы напрасно стараетесь постоянно выставлять противъ насъ это подчиненіе Сына Отцу, какъ будто кто либо изъ обыкшихъ правильно мыслить думаетъ, что должно предпочитать противоположное (мнѣніе), а не напротивъ — признавалъ необходимымъ соглашаться съ вами въ этомъ. Вѣдь мы не можемъ представлять святую и единосущную Троицу когда либо возстающею противъ Себя Самой, но и не раздѣляется на разныя мнѣнія, или такъ, чтобы Отцу или Сыну или Святому Духу могло быть угоднымъ что либо особо

(отъ другихъ лицъ Святыя Троицы), но Они согласуются во всемъ, такъ что во всей Святой Троицѣ, какъ сущей изъ единого божества, всегда пребываетъ и одна и таже воля. Поэтому мы должны устранить подробную рѣчь объ этомъ и воздержимся отъ совершенно бесполезнаго спора: если этимъ никто не затрогивается, то намъ излишне напрягаться.

Но такъ какъ вы, привыкшіе превратно думать и рассуждать, согласіе Сына съ желаніями Отца называете являющимся вслѣдствіе необходимости подчиненіемъ, то объ этомъ мы представимъ надлежащее противъ васъ рассужденіе. Вѣдь если бы вы представляли такую рѣчь свою въ простотѣ, то справедливо можно бы было спокойно оставить безъ всякаго изслѣдованія это рѣченіе (т. е. *подчиненіе* Сына Отцу). Но поелику мы видимъ, что оно выставляется (вами) съ нѣкимъ особымъ злоумышленіемъ, то по необходимости должны выступить противъ, надѣясь на силу Святаго Духа, а не на свои слова.

Отнюдь ¹⁾ не безусловно и не во всѣхъ отношеніяхъ вообще и не о всякомъ предметѣ Сынъ утверждалъ, что Онъ не совершаетъ Своихъ желаній, но говорить, что сохраняетъ волю Отца въ опредѣленномъ дѣлѣ, какъ могу думать, по причинѣ твоихъ злоухищреній, какъ Богъ напередъ позаботившись о нашей безопасности. Претерпѣваетъ же невольное и дѣлаетъ это для Себя вольнымъ ради насъ, разумѣю страданіе на крестѣ, такъ какъ таково было благоизволеніе Родителя, какъ уже прежде сказано нами. И дѣйствительно, сейчасъ же можно видѣть предложенную причину и ясно указанную цѣль, по которой Онъ, какъ Самъ говоритъ, отказался отъ Своихъ же-

¹⁾ Это отдѣленіе также почитовано въ Актахъ третьяго Конст. собора.

ланій и исполняетъ волю Отца, ибо говоритъ: *это есть воля Отца, да все, что далъ Мнѣ, не погублю* (ничего) *изъ него, но воскресу это въ послѣдній день.*

Что страданіе на крестѣ оказывается для Единороднаго дѣйствительно невольнымъ и вмѣстѣ вольнымъ, объ этомъ уже ясно было сказано прежде. Но теперь снова займемся точнѣйшимъ изслѣдованіемъ этого, раскрывая истину читателямъ.

Прежде всего приступлю къ изслѣдованію указываемаго вами *подчиненія*, причемъ очевидно предполагается и безспорно признается вами, что желанія Святой Троицы всегда сходятся въ одну волю и одно намѣреніе. Пусть же поэтому скажутъ намъ эти ужасные софисты: названіе и состояніе подчиненія есть ли существо Сына и Его природа, какъ напримѣръ челоуѣчество у челоуѣка,—или же, существуя прежде, Онъ Самъ своимъ особеннымъ образомъ подчиняется Отцу, какъ это напримѣръ можно думать объ ангелѣ или другой какой разумной силѣ, ибо, поскольку это есть и существуетъ, (необходимо) принимаетъ (соответствующій) образъ подчиненія.

Если скажете, что существо Сына заключается въ подчиненіи Отцу, то это уже будетъ подчиненіемъ, а не сыномъ. И въ такомъ случаѣ развѣ не окажетесь вы, скажи мнѣ, болтающими уже величайшій вздоръ? Неужели подчиненіе можетъ быть мыслимо существующимъ само по себѣ, безъ принадлежности какому либо изъ бытій? Вѣдь такіе предметы какъ подчиненіе всегда принадлежатъ тѣмъ изъ существующихъ бытій, въ коихъ находятся, а не иначе,—они наблюдаются находящимися при сущностяхъ, а не составляющими самихъ сущностей, или существующими сами по себѣ. И какъ напримѣръ пожеланіе, призывающее и влекущее къ чему либо изъ существую-

шаго, не могло бы существовать само по себѣ, но порождается только въ томъ, кто склоненъ воспринимать: такъ и подчиненіе, открывающее нѣкую склонность желаній къ подчиненію кому либо, не можетъ быть мыслимо существующимъ въ особой своей природѣ, но совсѣмъ напротивъ — какъ состояніе или воля или желаніе существуетъ въ какомъ либо (другомъ) изъ бытій. Иначе какъ названіе такъ и состояніе подчиненія, высказанное безразлично (и безпредметно), не будетъ собственно относиться ни къ кому, и даже невозможно узнать, худо оно или хорошо, если не будетъ присоединено, кого это подчиненіе. Въдѣ можно подчиняться Богу, но также и діаволу. И какъ имя „мудрецъ“ есть нѣчто обоюдное, ибо нѣкоторые „мудры (суть) на злодѣяніе“ (Перем. 4, 22), и напротивъ „мудрецы наслѣдуютъ славу“ (Притч. 3, 35), очевидно имѣющіе мудрость въ добрѣ: такъ и подчиненіе заключаетъ въ себѣ нѣкую обоюдность, а не точно опредѣленное отношеніе, ибо совершенно неяснымъ остается, кого оно будетъ подчиненіемъ. Поэтому и природа Сына должна оставаться для насъ неизвѣстною, если будетъ мыслиться вами какъ подчиненіе. Кого же подчиненіе, безошибочно отвѣтитъ на это было бы невозможно, при отсутствіи всякаго опредѣленія (при терминѣ „подчиненіе“). А что подчиненіе никогда не можетъ существовать само по себѣ своимъ особымъ образомъ, это нѣсколько грубѣе и нагляднѣе мы можемъ увидѣть, направивъ рѣчь уже къ самимъ твореніямъ, воспользовавшись для сего нѣкоторымъ умозаключеніемъ. Если на примѣръ существо человѣка мы опредѣлимъ (состоящимъ) въ подчиненіи, то должны будемъ безъ сомнѣнія заключать, что онъ не можетъ быть въ состояніи неподчиненія. Но какъ же въ такомъ случаѣ пѣснопѣвцемъ

говорилось къ кому-то, уже какъ существу и существующему и однакожь еще не подчиненному: „подчинись Господу и умоли Его“ (Псал. 36, 7)? Развѣ не видишь, какъ бессмысленно представлять подчиненіе существующимъ само по себѣ? Поэтому необходимо признавать и то, что Сынъ прежде есть и существуетъ въ собственной природѣ, а потомъ уже, какъ таковой (уже существующій какъ сынъ), говорить, что подчиняется Отцу. Что же, скажи мнѣ, вынуждаетъ Явившагося изъ сущности Родившаго, точное начертаніе Его природы, отпадать отъ равенства съ Нимъ, ради Его (Сына) повиновенія (Отцу)? Но мы, правильно мысля и говоря, признаемъ Единосущнаго Родителю и во всемъ усвоаемъ Ему равночестіе и отнюдь не допускаемъ, чтобы Онъ въ какомъ либо отношеніи былъ ниже свойственнаго божеству достоинства. Ты же смотри, какимъ образомъ благодаря такъ называемому подчиненію удаляешь отъ равномѣрной чести съ Отцемъ Того, Кто блистаетъ одинаковыми (съ Отцемъ) качествами, по причинѣ тожества сущности.

Но именно это самое, скажетъ (противникъ), должно подтверждать наше положеніе, что Сынъ повинуется Отцу и заботится совсѣмъ не о собственныхъ желаніяхъ, но слѣдуетъ желаніямъ Отца, очевидно какъ вышаго и большаго.

Но именно это самое, по твоимъ, любезнѣйшей, словамъ, что по твоему мнѣнію должно подтверждать твои слова, опять обрѣтешь ты ничѣмъ другимъ, какъ плодомъ присущаго вамъ невѣжества. Вѣдь если-бы мы рассуждали о томъ, кто выше достоинствомъ и имѣетъ преимущество въ славѣ, то и тогда ваша болтовня едва ли бы имѣла какое либо дѣйствительное значеніе. Поелику же изслѣдуется образъ

единосущія, то не должны ли вы оказаться безмѣрно неразумными, удѣляя Богу и Отцу большую степень его (единосущія) противъ Его собственнаго Порожденія? Большее или меньшее или чтобы то ни было подобное сему мы не можемъ конечно считать принадлежностію самой сущности, какъ это утверждали мы и относительно подчиненія, но все это—внѣ сущности и относится къ тому, что бываетъ только около или при сущностяхъ. Только уже прежде явившееся и существующее можетъ допускать большее или меньшее, на примѣръ въ сравненіи съ другимъ. Если же нѣтъ ничего уже существующаго и прежде явившагося, при чемъ таковое (большее или меньшее) обыкновенно бываетъ, то какъ это могло бы быть само по себѣ, что мыслится и опредѣляется только въ качествѣ случайнаго (по отношенію къ сущности)? Поэтому когда называются вами (термины) большее или меньшее, то вы не касаетесь сущности ни Единороднаго, ни также Отца, но одними только внѣшними преимуществами или умаленіемъ воздадите почтеніе, какъ вы думаете, Отцу и выразите поношеніе Сыну, хотя вы ясно слышите возгласъ Его: „не чтущій Сына, и Отца не чтить“, — и что всѣмъ подобаешь чтить Сына такъ, какъ чтутъ Отца (5, 23). Что существа, отнюдь не могущія быть отдѣленными другъ отъ друга, какъ разнородныя, но получившія одну и ту же сущность, должны быть облечены равностепенною славою,—этому съ благою цѣлью училъ Христосъ, „не отъ людей свидѣтельство о Себѣ“ допустивъ принять, какъ сказалъ Онъ, но Самъ явившись свидѣтелемъ о Себѣ, достовѣрнѣйшимъ и достойнѣйшимъ всѣхъ (5, 34). Будучи истиною по природѣ, Онъ высказываетъ безъ сомнѣнія только истинное, какъ это можно намъ доказать и изъ са-

мага качества предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, большее или меньшее относятся вѣдь не къ самой сущности чего либо, но къ тому, что есть при сущностяхъ. Такъ напимѣръ: человекъ, поскольку онъ мыслится и называется какъ человекъ, отнюдь не можетъ имѣть что-либо большее или меньшее другаго какого либо человека,—человѣкъ, какъ человекъ, ни меньше человека, ни больше, опять какъ человекъ, ибо природа оказывается равною во всѣхъ. То же самое разсужденіе сохраняетъ силу и по отношенію къ ангеламъ, или и ко всему сотворенному и находящемуся въ числѣ тварей. Итакъ, такія опредѣленія (большее и меньшее) оказываются совершенно недопустимыми по отношенію къ самимъ сущностямъ, но суть случайныя явленія въ сущностяхъ или нѣчто находящееся при сущностяхъ, какъ показали мы выше. Какимъ же поѣтому образомъ Отецъ будетъ больше Сына, Богъ по природѣ (больше) Бога по природѣ? Рожденіе ¹⁾ Сына изъ Него (Отца) безъ сомнѣнія должно вынуждать васъ даже и невольно усвоить Ему единосуціе.

Принявъ такимъ образомъ за несомнѣнное, что Сынъ есть Богъ по природѣ, мы разрѣшимъ, если угодно, вопросъ: удѣляя Ему честь, равную съ Тѣмъ, отъ Кого Онъ есть, усвоимъ ли мы чрезъ это и (подобающую) славу Родившему,—или же совершимъ противоположное, уничтожая Рожденнаго низшими и меньшими достоинствами, что вѣрнѣе, и дѣйствительно дѣлается (противниками). Вѣдь слава Отцу — родить такого, каковъ Самъ Онъ есть по природѣ. Но случится совершенно противоположное,—отъ чего избави Богъ, — если Сынъ не сохранитъ подобающее Ему

¹⁾ Это предложеніе цитуеть Векъ (Veccus) въ Епиграфѣ XI.

благородство, имѣя менѣе или въ отношеніи славы или чего бы то ни было изъ того, что безъ сомнѣнія должно бы было принадлежать Ему, дабы во всемъ явиться совершеннымъ и истиннымъ Богомъ. Но будучи такой (равной съ Отцемъ) природы, Онъ чтитъ Отца, чему не смѣйся, человѣкъ, и не навлекай на себя наказанія, охудшая невѣжественно то, что всего менѣе слѣдуетъ (охудшать). Въ самомъ дѣлѣ, подобаешь удивляться предъ Нимъ конечно и за то, что Онъ чтитъ и любитъ Родившаго, ибо всякій ¹⁾ видъ добродѣтели источникомъ какъ бы нѣкимъ и корнемъ имѣетъ Верховную надъ всѣми Сущность. Явленное прежде въ Ней благо изливается и въ насъ, кои созданы по образу Ея. Вотъ почему и намъ Законодатель возвѣщаль, что должно чтить отца и мать, а также и награду за это полагалъ прекраснѣйшую, признавая это, какъ полагаю, за самое великое дѣло и настолько свободное отъ всякаго упрека, что оно является даже причиною долгой жизни. Итакъ, какъ мы ради подчиненія и повиновенія родителямъ не оказываемся сравнительно съ ними какой либо другой природы, но будучи тѣмъ, что и они, людьми отъ людей, и, имѣя и сохраняя совершеннѣйшее опредѣленіе человѣчества, стараемся оказывать повиновеніе въ качествѣ достославной добродѣтели: такъ должно мыслить и объ Отцѣ и Сынѣ, ибо будучи тѣмъ, что есть, очевидно Богомъ отъ Бога, Совершеннымъ отъ Совершеннаго, непреложнымъ начертаніемъ сущности Родителя, Онъ не можетъ помышлять ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, что помышляетъ и Самъ Тотъ, Коего Онъ есть и Совѣтъ и Слово. Онъ можетъ желать конечно только одинаковаго съ Отцемъ, одиноковыми, такъ

¹⁾ Это предложеніе цитуетъ Векъ въ Эпиграфъ XIII.

сказать, законами единосущія соудерживаемый вмѣстѣ съ Отцемъ въ сожеланіи всего благаго.

Поэтому ¹⁾ отнюдь не соблазняйся, человѣкъ, когда слышишь слова Его: „*Я сошелъ съ неба, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Меня*“. Что въ началѣ (разсужденія) говорили мы, это опять скажемъ: объ опредѣленномъ и ясномъ предметѣ говорилъ здѣсь Христосъ. Онъ говоритъ эти слова, научая тому, что Его смерть за всѣхъ была вольною, ибо такъ восхотѣла Божественная Природа, но и невольною, по причинѣ крестныхъ страданій и поскольку это касалось плоти, отвращающейся отъ смерти. И объ этомъ у насъ уже было сдѣлано обширное разсужденіе. А что и невольнымъ въ нѣкоторомъ отношеніи оказывается для Спасителя Христа, поскольку Онъ былъ человѣкъ, страданіе на крестѣ, это намъ можно видѣть и изъ самой природы дѣла. Такъ мы утверждаемъ, что дѣломъ іудейскаго безумія было то, что Христосъ несомнѣнно долженъ былъ подвергнуться распятію, и это непременно должно было быть отъ нихъ, заранѣе подготовленныхъ къ дерзновенію на это тѣмъ, что они уже совершили по отношенію къ святымъ прокамъ и бывшимъ въ то время святымъ. Поелику иначе было невозможно впавшее въ смерть снова возстановить къ жизни, если бы не стало человѣкомъ Единородное Божіе Слово, — и Ему надлежало конечно претерпѣть (все) бывшее: невольное Онъ содѣлалъ для Себя вольнымъ, и это допустила божественная природа ради любви къ намъ.

Да, художница всего Премудрость, тоестъ Сынъ, коварно устроенное вслѣдствіе діавольской злобы, ра-

¹⁾ Это отдѣленіе цитуетъ Третій Конст. Соборъ и по частямъ Латеранскій.

зумѣю Его смерть по плоти, явилъ путемъ спасенія и дверью жизни для насъ, а надежды діавола разрушены, и въ концѣ концовъ онъ узналъ и испыталъ, что жестоко для него богоборствовать. Такъ и божественный Псалмопѣвецъ, какъ мнѣ кажется, согласенъ съ этими словами и указываетъ на нѣчто подобное же, когда говоритъ какъ бы о Христѣ и діаволѣ: „въ сѣти его смиритъ его“. (Псал. 9, 30—31). Сѣть разставилъ Христу діаволь — смерть, но этой самой собственной сѣтью онъ усмиренъ, ибо разрушена смерть смертию Христа, и упраздненъ тираннъ, не ожидавшій паденія.

Не трудно составить объ этомъ обширное разсужденіе, но мы опять скажемъ только то, что необходимо въ настоящемъ случаѣ. Если смерть Христа не была собственно и дѣйствительно дѣломъ желаній Іудейскихъ и плодомъ нечестивой дерзости ихней, но божественный судъ, какъ думаютъ нѣкоторые, несомнѣнно велъ къ этому: то развѣ не надлежало наконецъ и божественной волѣ исполняться уже какъ бы вслѣдствіе необходимости, чрезъ посредство людей конечно, а не иначе? Но въ такомъ случаѣ какимъ образомъ, скажи мнѣ, могли бы подвергаться еще и справедливому наказанію тѣ, кои служатъ неотвратимымъ рѣшеніямъ Божиимъ? И какимъ образомъ будетъ заслуживать „горе“ и „лучше было бы, если бы не родился человѣкъ тотъ“, чрезъ коего преданъ Христосъ (Матѣ. 26, 24)? Если бы страданіе было только вольнымъ для Спасителя и отнюдь не мыслилось бы въ какомъ либо другомъ отношеніи невольнымъ, то развѣ могъ бы справедливо подвергаться какому либо наказанію тотъ, кто оказался служителемъ Владычней воли и неотвратимаго будущаго? Или развѣ не должно быть очевиднымъ для всѣхъ, что благо-